

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КАВКАЗЦА.

(ВОСЕМЬ ЛѢТЪ ВЪ КУРИНСКОМЪ УКРѢПЛЕНІИ).

Зимой, съ наступленіемъ 1852 года, войска, назначенныя въ составъ чеченскаго отряда, начали сосредоточиваться въ крѣпость Воздвиженскую, которая, по своему положенію на рѣкѣ Аргунѣ, при самомъ выходѣ ея изъ ущелья на плоскость, съ давнихъ поръ служила опорнымъ пунктомъ для всѣхъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ противъ чеченцевъ.

Военныя дѣйствія на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи предположено было въ этомъ году начать какъ можно ранѣе, съ тѣмъ, чтобы всею массою войскъ, только что собранныхъ, бодрыхъ и жаждавшихъ боя, углубиться въ самое сердце Большой Чечни, разбить собранныя тамъ скопища, уничтожить заготовленныя, непріателемъ средства для продовольствія и послѣ того, окончивъ разработку просѣкъ на Шалинской полянѣ, идти отъ Бердыкельскаго аула къ подножію Черныхъ горъ, взять Маюртупъ и, чрезъ всю Большую Чечню, пройти напрямикъ въ Куринское укрѣпленіе.

Этотъ смѣло задуманный планъ, долженствовавшій сорвать съ Чечни таинственную завѣсу, подъ которою она скрывалась въ продолженіе цѣлаго десятка лѣтъ, не могъ не возбудить серьезныхъ опасеній въ Шамилѣ, который заблаговременно принялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать движенію нашихъ войскъ, и, двинувъ въ Большую Чечню значительныя толпы изъ Дагестана, самъ прибылъ въ Автуры, чтобы воодушевить сборища личнымъ своимъ присутствіемъ.

Не касаясь подробностей того, что было сдѣлано главнымъ чеченскимъ отрядомъ въ первый періодъ экспедиціи, мы перейдемъ прямо къ цѣли нашего разсказа — къ дѣйствіямъ другаго небольшого

отряда, собраннаго на кумыкской плоскости съ тѣмъ, чтобы проложить широкую просѣку черезъ лѣсистый Качкалыковскій хребетъ и перебросить ее за Мичикъ, какъ разъ по тому направленію, по которому долженъ былъ идти князь Барятинскій изъ Маюртупа.

Отрядомъ этимъ командовалъ извѣстный на Кавказѣ полковникъ Яковъ Петровичъ Бавлановъ. Онъ сосредоточилъ къ Куринскомъ, кромѣ своего полка (*), три баталіона пѣхоты (**) съ четырьмя орудіями, и приступилъ къ работамъ тотчасъ, какъ только чеченскій отрядъ выступилъ изъ Воздвиженской (***). Горцы, находившіеся противъ него въ сборѣ по ту сторону Мичика, спѣшили укрѣплять завалы противоположный берегъ, ограничиваясь, впрочемъ, ничтожною перестрѣлкой. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, доносившійся сюда изъ долины Аргуна, гдѣ князь Барятинскій сражался съ главными силами Шамиля, видимо тревожилъ чеченцевъ и отнималъ у нихъ рѣшимость перейти въ наступленіе, а между тѣмъ работы наши подвигались впередъ такъ быстро, что въ половинѣ января просѣка черезъ Качкалыковскій хребетъ была окончена и намъ оставалось только вырубить мелкій прибрежный орѣшникъ по Мичику, чтобы совершить переправу и приступить къ уничтоженію заповѣдныхъ лѣсовъ на землѣ уже самихъ мичиковцевъ.

Эти быстрые успѣхи были достигнуты нами съ самою ничтожною потерей, и объясняются только тѣмъ превосходнымъ состояніемъ, въ которомъ находилась войска, благодаря заботливости о нихъ начальника отряда, старавшагося всѣми мѣрами избѣгнуть необходимости бивуачныхъ стоянокъ подъ открытымъ небомъ: войска, по окончаніи урочныхъ работъ, ежедневно возвращались на почлегъ въ Куринское и изнурялись гораздо менѣе, нежели чеченцы, которые проводили въ завалахъ длинныя зимнія ночи. Въ Куринскомъ все шло и двигалось однажды-заведеннымъ порядкомъ. Съ утра—говорить одинъ участникъ экспедиціи—барабанный бой поднималъ на ноги все укрѣпленіе; роты, назначенныя вечернимъ приказомъ, строились на площади и палатки, безъ обозовъ, выступали въ лѣсъ, гдѣ копчялась вчерашняя рубка. Полковникъ Бавлановъ, въ сопровожденіи своихъ пластуновъ, уѣзжал впередъ осматривать мѣстность, закрытую передъ разсвѣтомъ туманомъ, самъ разставлялъ аванпостную цѣпь и указывалъ, гдѣ становиться рабочимъ. Изъ пред-

(*) Бавлановъ командовалъ въ это время доскими казачьимъ № 17 полкомъ.

(**) Сколько помнится, баталіоны были отъ полковъ: Кабардинскаго, Дагестанскаго и Навагинскаго.

(***) Это было 4-го января.

ности, въ первое время кавказскія однаго оставалась всегда хъ. Бабаковъ одинъ выбежалъ на высокой курганъ, стоявъ съ спускомъ къ Миняку, и, вооружившись подорожною трубкою, засматривался на неприятельскіе завалы. Герцы привлекли его колоссальную фигуру, въ громадной, косматой шапкѣ, нутымъ на плечи знаменитымъ бараньимъ туловищемъ, и каждый изъ нихъ пораженъ его появленіемъ провѣстельскимъ гикомъ. Кружащюу тѣмъ, закинали работы. Черныя фанеры герцовъ едва шидея въ полутьмѣ, начинали тревожно шевелиться. Вотъ, наконецъ, выѣзжаютъ конные. По бѣлымъ баблѣнамъ, видя дѣла лица, солдаты знаютъ уже, что это абрени, кото- дають въ устахъ и будутъ посылать оттуда свои, познано- маковы, выстрѣлы. Абрени, дѣйствительно, спѣшиваются, а ту ихъ замѣняютъ новыя живописныя группы джигитовъ....

Тѣтные кони, ихъ цѣнное оружіе и смуглыя, тѣмныя лица, нныя космами бараньихъ шапокъ, ухорени заломленныхъ на хъ, шибѣтъ что-то внушительное, что-то такое, что невольно аетъ вниманіе чутьо затанувшей цѣпи....

дугъ далеко, гдѣ-то на самой окраинѣ хъса, вырвался клубъ дыма, сверкнула молнія и, вслѣдъ за грохнувшимъ выстрѣ- одинъ изъ наѣдниковъ, какъ снарядъ, повалился съ лошади. нный конь его всталъ на дыбы, метнулся въ сторону и ринулся опору назадъ, увлекая за собою запутавшагося въ строже- садника. Нѣкоторые бросаются подпять убитаго, другіе выхва- ь винтовки и, съ крикомъ: «ги! ги! гауръ! гауръ!» начи- кружиться передъ самымъ курганомъ, гдѣ стоятъ Бабаковъ. Болю! такой-сякой!... Чего стоишь? зачѣмъ стоишь? Но- омой! кричатъ ему горцы.

даты отвѣчаютъ имъ крупною, русскою рѣчью....

гда все дѣло оканчивается пустою перебранкою, не иногда съ сторонъ закипаетъ живая перестрѣлка и тогда грохоту на- деревесѣхъ начинаютъ вторить раскаты пушечныхъ выстрѣ- . А между тѣмъ наступаетъ полдень. Бабаковъ съѣзжаетъ съ и ѣдетъ по цѣпи, чтобы познрѣть ея расположеніе и осно- абочныхъ. Чеченцы провожаютъ его пушечными выстрѣлами....

ажды—разсказываетъ тотъ же очевидецъ—я лежалъ съ сво- адатами въ устахъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ пробѣжалъ овъ, какъ вдругъ невѣроятельская граната (къ счастью, она- ая пустою, съ забитою втулкою) упала подъ самыя ноги мои шадн и, сдѣлавъ рикошетъ, медленно стала подниматься

вверху.... Рота вскочила на ноги.... Балабановъ останавливалъ коня, простоялъ до тѣхъ поръ, пока граната не перекатывалась черезъ него, слегка зацѣпивъ только верхушку его огромной шапки.... Послѣ чего онъ двинулся впередъ, сопровождаемый восторженными криками солдатъ, которые почему-то были убѣждены, что Балабановъ заговоренъ отъ смерти и что его убить можно только серебряною пулею....

Между тѣмъ, страдъ покончили уже и съ вырубной молодого ординарика; приказано было готовиться къ переходу черезъ Мичигъ, чтобъ овладѣть непріятельскими завалами, какъ вдругъ случилось слѣдующее происшествіе:

Однажды, по возвращеніи въ Куринское, у полковника Бакланова собралось большое общество офицеровъ; пили чай, играли въ карты и говорили о разныхъ разностяхъ. Былъ одиннадцатый часъ ночи, когда вешедшій ординарецъ доложилъ, что явился лазутчикъ.

— Который? спросилъ Баклановъ.

Базаръ называлъ Али-бея.

Надо замѣтить, что это былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ и вѣрныхъ нашихъ лазутчиковъ, преданный Якову Петровичу до самоотверженія. Онъ жилъ за Мичикомъ, въ аулѣ Большіе Гурдали, и, черезъ постоянныя сношенія съ шоридами Шамилля, зналъ до малѣйшей подробности все, что затѣвалось горцами противъ кумысной плоскости. Поэтому Баклановъ нѣтъ дорожилъ и тотчасъ же приказалъ ввести его въ комнату.

— На хабаръ (что новаго)? спросилъ онъ, поздоровавшись съ Али-беимъ.

— Особыхъ новостей нѣтъ, отвѣчалъ Али и заговорилъ по-чечски.

Офицеры, заинтересованные появленіемъ лазутчика, начали просить Якова Петровича говорить по-русски. Уступая ихъ просьбамъ, онъ приказалъ привести переводчика, и тотъ во всеуслышаніе передалъ рассказъ Али-бея слѣдующимъ образомъ:

Когда Шамилль получилъ извѣстіе, что просьба на Мичигъ почти окончена и что чеченцы не могутъ остановить Бакланова, онъ вызвалъ изъ горъ стрѣлка, который на алкоранѣ поклялся во что бы то ни стало убить Бакланова.

— Горецъ этотъ прибылъ уже въ нашъ лагерь—сказалъ, между прочимъ, Али—и, надо сознаться, произвелъ на всѣхъ впечатлѣніе пустаго челевѣка: пріѣхавъ поутру, онъ къ вечеру успѣлъ уже нахвастать съ три короба, такъ что наши сочли, наконецъ, за лучшее оставить молодчика.

Ты развѣришь, сказали ему старшии, что въ равстояннн пяди шаромъ разбивашь изъ винтовки ядро, подбрененное; быть-можетъ это и правда, но мы твоего искусства не видѣли такого человека, въ котораго ты будешь стрѣлять, мы ни не знаемъ: онъ, въ равстояннн полутораста шаговъ, при насъ держитъ нмъ рука сидущую муку.... Смотри же, Джаненъ, если сманинешься, то Божею положитъ тебя на мѣстѣ.

— Ну, что же гореть? спросили офицеры.

— Инаго, отвѣчалъ Али, заснѣвавшись:—немножко поблѣднѣлъ, но скоро оправился. — Я, говорить, во всю свою жизнь далъ только промахъ, да и тотъ, когда былъ семилѣтнимъ ребен-

Ты знаешь, продолжалъ Али, обращаясь къ Баязанову, что чинюмъ, какъ-разъ напротивъ того кургана, гдѣ мы остановились батареѣка, брошенная нами. Завтра поутру въ нее заселавлюсь и буду ждать твоего появленія. Я пришелъ ска-чтобъ ты поберегъ себя и завтра не выжмалъ на курганъ.

Одну выгравдѣвъ Али-бей, молчовникъ отпустилъ его домой и сказалъ офицерамъ, чтобы все, слышавшее нимъ, оставалось въ тайнѣ.

На слѣдующій день, какъ только развѣло, войска, по обыкно-венно, вышли изъ Курянского. «Зная, что меня ожидаютъ»—раз-сказалъ самъ Яковъ Петровичъ—«я остановилъ колону нѣсколько обыкновеннаго и, въ сопровожденнн одного ординарца, поѣхалъ къ кургану. Скоро посреди орѣшника показались черныя пропастины, нашей недавней рубки. Я подѣхалъ къ Мичику и увидѣлъ ту вышку, изъ-за которой долженъ былъ последовать выстрѣлъ. Я вѣсь, съ минуту я колебался, вѣзть-ли дальше, но воспомнилъ, что меня смотрять тысячи глазъ, и, взявъ у ординарца штуцеръ, пошелъ на пригорокъ.... Въ эту минуту страшная тишина воцари-лась у насъ и въ непріятельскихъ завалахъ. Я не смаяу, чтобы совершенно сплоскнъ: кровь те бросалась мнѣ въ голову, те вала къ сердцу.... Однако, опустивъ поводья, я стоялъ недвижно и пристально смотрѣлъ на батарею, до которой черезъ Мичику было не болѣе полутораэта или двухъ сотъ шаговъ. Вотъ на-чалъ, за гребнемъ ея, мельнула черная шапка, и черезъ минуту, когда я увидѣлъ блестящій стволъ, направленный на меня.... Слѣднне снаше меня: пуля, пролетѣла мимо, едва зацѣпивъ край моего полушубка.... Когда тавлашець поднялся до поя-са, тобъ посмотрѣть на выстрѣлъ, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что

и снжу на конѣ, и, пригнувшись за брустверь, принялся вторично заряжать винтовку. По той торопливости, съ которой онъ это дѣлалъ, я вывелъ заключеніе, что нравственная сила этого человѣка подорвана, и пришелъ къ убѣжденію, что новый выстрѣлъ не можетъ быть вѣрнѣе. Тогда, повѣривъ самого себя и убѣдившись, что первы мои совершенно успокоились, я вынулъ ногу изъ стремени, положилъ ее на гриву лошади, оперся на нее рукою и приготовилъ штуцеръ.... Какъ только раздался выстрѣлъ, я быстро вскинулъ ружье... курокъ брякнулъ и мой татаринъ, взмахнувъ руками, опрокинулся навзничь: пуля попала ему между бровей и прошла черезъ голову».

Когда Баклановъ, повернувъ лошадь, началъ спускаться съ кургана, обѣ стороны, съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ слѣдившія за тѣмъ, чѣмъ кончится странный поединокъ, привѣтствовали его восторженными криками: Въ войскахъ загремѣло ура!... Чеченцы, махая панахами, вскочили на завалы, били въ ладоши и оглашали воздухъ непостояннѣе: «аши Боклю! браво Боклю! молодець Боклю!»

Нечего и говорить о впечатлѣніи, которое произвела на горцевъ вся эта сцена, принявшая, въ ихъ выказѣ воображеніи, характеръ какой-то чудесной, сверхъестественной легенды, перешедшей даже въ народныя пословицы. «Не хочешь-ли убить Бакланова?»—говорили послѣ того въ Чечнѣ, когда хотѣли остановить похвалбу какого-нибудь расхваставшагося юности.

Баклановъ, съ своей стороны, не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы ускорить переправу.

Въ темную ночь съ 14-го на 15-е января, войска тихо поднялись на Качалыковскій хребетъ и раздѣлилась на двѣ колонны: вся кавалерія, подъ личнымъ предводительствомъ начальника отряда, пошла по горѣ налѣво, съ тѣмъ, чтобы переправиться среди дремучаго, непроходимаго лѣса; пѣхота же спустилась внизъ и сдѣлала видъ, что нацѣлена штурмовать переправу. Сильнымъ артилерійскимъ огнемъ ей удалось, дѣйствительно, привлечь сюда вниманіе горцевъ; но едва началась напонада, какъ гнѣз атакующей конницы, загрохотавшей въ тылу чеченцевъ, привелъ ихъ въ совершенное замѣшательство: они едва успѣли повернуться кругомъ, чтобы сдѣлать залпъ, какъ были уже вынуждены спастись бѣгствомъ.... Пѣхота, воспользовавшись этимъ, безъ выстрѣла перешла Мичинъ и тотчасъ заняла завалы.... Все дѣло длилось не болѣе получаса и, благодаря отлично соображеннымъ дѣйствіямъ обѣихъ колонъ, стала намъ двухъ офицеровъ и 24 нижнихъ чиновъ выбывшими изъ строя. Горцы потеряли больше

вное, вынуждены были съ безсильною злобою смотрѣть на то, падали и исчезали подъ топорами нашихъ солдатъ вѣковыя, древныя дѣла, служившіе мичиковцамъ главнѣйшею опорю про нашихъ вторженій. Съ вѣковой злобой на вѣковыя дѣла дѣла рубка здѣсь просѣки тянулась, съ небольшими перерывами, до числа, когда войска распущены были для отдыха по своимъ деніямъ. Въ продолженіе этого времени, каждый день случались рѣзки; иногда горцы вывозили орудія и стрѣляли по рабочимъ, но все не предпринимали ничего серьезнаго, ожидая со дня на день тѣя самаго Шамиля. Шамиль однако не явился, а между Баклановъ, распустившій, какъ мы сказали, войска, получилъ весть, что горцы опять уже строятъ завалы, и строятъ такъ, чтобы обстрѣливать переправу перекрестнымъ огнемъ изъ своихъ орудій. Поэтому, какъ только наступила ночь, вся кавалерія съѣла на ночь, пользуясь густымъ туманомъ, скрытно перешла Мичикъ въ гораздо выше просѣки. Плоскость непріятели была такъ велика, что тѣ батареи, мимо которыхъ проходили наши казаки, оказались незанятыми; быть можетъ, горцы бѣжали изъ нихъ, чтобы оградить тревогу, но гикъ и топотъ несущейся конницы до того ослѣпили главную массу чеченцевъ, что она, въ паническомъ страхе, ринулась искать спасенія въ мичиковскомъ редутѣ, куда едва успѣла втащить за собою орудія. Съ нашей стороны ранено было только шесть нижнихъ чиновъ. Кавалерія тотчасъ заняла непріятельскія завалы, а подоспѣвшая пѣхота пошла на редутѣ, но была ослѣдена; потому что это повело бы за собою напрасную и значительную потерю въ людяхъ. «Смѣлыя и благоразумныя распоряженія полковника Бакланова» — сказалъ князь Воронцовъ, въ приказѣ по войскамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса — «уничтожили всѣ попытки непріятели, старавшагося помешать нашимъ работамъ со стороны кумысской плоскости, иесли чеченцамъ сильный уронъ, въ особенности 15-го января и 16-го февраля, при взятіи съ боя устроенныхъ ими заваловъ». Всѣ послѣднія наши работы на просѣкѣ окончены были 14-го февраля. Въ этотъ день войска распущены были опять по своимъ квартирамъ, а ночью Шамиль, съ огромнымъ скопищемъ, явился на Мичикъ и сталъ возлѣ редута. «Смѣлыя и благоразумныя распоряженія полковника Бакланова» — сказалъ князь Барятинскаго, между тѣмъ, все еще не было никакихъ вѣстей. Лазутчики передавали только отрывочныя свѣдѣнія о противоположныхъ бояхъ, бывшихъ подъ Автурами и Гельдегеномъ, о томъ рядѣ набѣговъ, произведенныхъ на Гойту, о смерти въ

одномъ изъ нѣкъ доблестнаго атамана Курмановаго, погибшаго подъ Инчелани (*); но вѣчаго не могли сообщить о дальнѣйшихъ планахъ чеченскаго отряда.

16-го февраля, въ часъ пополудни, съ башни, одиноко стоявшей у самаго подножія Качкалымоваго хребта, дали знать въ Куринское, что по ту сторону горъ, по направленію къ Маюртуну, слышны частые орудіяныя выстрѣлы. Охвативъ двѣ сотни своего полка, Баглаевъ выскочилъ съ ними на просьбу и увидѣлъ отдаленный, тинувшійся за Мичикомъ, дѣсъ, весь укутанный бѣлыми клубами дыма. Шло жаркое дѣло. По выстрѣламъ можно было догадываться, что это князь Барятинскій штурмуетъ Маюртунъ, чтобы оттуда идти въ Куринское, и, следовательно, съ минуты на минуту надобно было ждать приказанія выступить въ погоню навстрѣчу, а между тѣмъ войскъ подъ рукою не было. Отрядъ, рубившій просьбу, былъ, какъ мы сказали, распухшій и могъ собраться не ранѣе, какъ черезъ четыре дня. Къ тому же изъ самаго Куринскаго двѣ роты пѣхоты отправлялись поутру въ Хасафъ-Юртъ для принятія сирота, а съ остальными тремя ротами идти за Мичикъ, когда переправа охранялась самимъ Шамилемъ, было дѣломъ слишкомъ рискованнымъ. Сообразивъ все это, полковникъ Баглаевъ тутъ же, не слѣзая съ лошади, написалъ записку, чтобы полковникъ Клитарева изъ Герасаль-аула, съ ротой Кавказскаго линейнаго № 12 баталіона и ротой Кабардинскаго полка, при одномъ орудіи, прибылъ въ полночи, форсированнымъ маршемъ, въ Куринское урѣвненіе.

Другая записка такого же содержанія была отправлена на Карасинскій постъ, откуда войсковою старшиною Моляновъ долженъ былъ прибыть съ двумя казачьими сотнями. По три казака наряжены были и въ ту, и въ другую сторону. Когда они явились къ Якову Петровичу, онъ только погрозилъ имъ пальцемъ и сказалъ демонически:

— Двухъ дель, третьему доставить записку по назначенію!....

(*) „Потеря наша въ этихъ набѣгахъ“ — писалъ князь Барятинскій въ своемъ донесеніи — „не превышаетъ 32 человекъ; но въ этомъ небольшомъ числѣ людей, навсегда вымывшихъ изъ строя храбраго кавказскаго корпуса, есть одна доблестная и незабвенная потеря: это названный атаманъ кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіоръ Крюковскій, павшій въ бою, какъ безстрашный и строгій къ подчиненнымъ, а еще болѣе строгій къ самому себѣ, воинъ. Высокія качества его и управленіе войскомъ известны всѣмъ“...

„Если-бы vybrать изъ войска тысячу лучшихъ людей“ — писалъ князь Воронцовъ военному министру — „и у каждого изъ этихъ людей взять лучшія его достоинства, то я тогда сумма ихъ не перевѣсила бы тѣхъ качествъ, которыми обладалъ покойный атаманъ, незабвенный для нашего кавказскаго казачества“...

Съ Богомъ!... Казаки отбѣжали: «ради стараться» и, повернувъ лошадей, пустились въ опасную дорогу.

Въ полночь въ Куринское прибылъ лазутчикъ. Когда его ввели къ Бакианову, онъ смялъ чевякъ и вынулъ изъ него записку князя Барятинскаго, который писалъ, чтобы собрать въ Куринское какъ только можно войска и выступить съ нами за Мичкиль такъ, чтобы къ разсвѣту быть у маюртускаго орушника, на старостѣ Акиюртав-снелъ аулицѣ, и захватить переправу черезъ Ганзелу. Къ счастью, по предварительнымъ запискамъ Бакианова, въ Куринское сосредоточились въ это время весь донской казачій № 17 полкъ, пять ротъ пѣхоты и два полевыхъ орудія. Съ этими силами рѣшено было идти за Мичкиль.

Зная, что горцы собрались около редута и сторожили наши войска на просвѣтъ, Бакиановъ рѣшился провести отрядъ напрямца по Качкалыковскому лѣсу безъ дорогъ и тропинокъ, по страшнымъ оврагамъ и крутизнамъ, по которымъ съ трудомъ пробирались пѣшіе горцы, и откуда неприятель никакъ не могъ ожидать его появленія. Нѣкоторые течения смутно однако угадывали это намѣреніе.

— Напрасно, Шамиль—говорили они—ты сторожишь эту старую лещицу здѣсь на открытомъ мѣстѣ; Болю не пойдетъ къ тебѣ въ зубы: сторожи его тамъ, гдѣ мышь не проползетъ, иначе кончится тѣмъ, что онъ будетъ за Мичкиль.

— Но гдѣ же онъ перейдетъ его съ своими пушками? спрашивалъ Шамиль, оглядывая съ недоумѣніемъ разстлавшіяся направо и налево отъ просвѣя сплешные лѣса, откуда, казалось, не было выхода.

— Гдѣ пролетаетъ птица, гдѣ проползаетъ змѣй, тамъ и дорога Бакианову, говорили старики, совѣтуя Шамилю сторожить всё бреды.

Имамъ рассердился.—«Если бы вы боялись Аллаха такъ, какъ боитесь Бакианова», сказалъ онъ, «то вы бы были святыми». Однако, уступая просьбамъ, онъ приказалъ по всему теченію Мичкиа разставить сильные сторожевые пункты.

Между тѣмъ, ровно въ часъ пополудни, войска, подъ личнымъ предводительствомъ полковника Бакианова, безъ шума вышли изъ главныхъ воротъ укрѣжденія и, дойдя до Исти-су, повернули направо въ дремучій лѣсъ, по обонимъ скатамъ Качкалыковскаго хребта. Нѣсколько саженой двигались еще по камнямъ—то тропинкамъ; но эти тропинки скоро исчезли и заѣхивались такими трупобами, что, неслѣ нѣсколькихъ попытокъ сдвинуть орудія съ мѣста, вынуждены были выпрячь лошадей и, буйвально, перетаскивать пушки черезъ овраги и

онѣговне сугробы на рукакъ, что чрезвычайно утомляло людей и замедляло движѣннѣ. Однако Баклановъ торопннѣ всѣхъ, зная, что впереднѣ предстоитъ еще трудная переправа. Вдобавонѣ ночь стояла темная; вѣтеръ, бушевавшнѣ въ мѣсу, поднималъ такую интелнѣцу, что въ двухъ шагахъ предметы совершенно исчезали изъ виду. Стали наконецъ опасаться, не потеряли-ли направленнѣ, потому что шли, какъ казалосъ, долго, а Мичикъ все еще не показывалосъ... Но вотъ передннѣ ряды вдругъ остановннѣлись, уперннѣсь въ крутой оврагъ, показавшнѣсь всѣмъ черною, бездонною пропастью. По дну оврага, съ глухннѣмъ рокотаннѣемъ, бѣжала рѣчка, а за рѣкою, на ту сторону оврага, въ прибрежннѣхъ кустарннѣкахъ были чинаки, оглашавшая окрестность своннѣмъ нестерпннѣмымъ, отвратнѣтельнымъ крикомъ. Эта рѣчка и была Мичикъ, черезъ который войска должны были переправнѣться. Есть-ли въ немъ броды, объ этомъ не спрашивали: другаго способа переправы не было, а потому приказаннѣе отдано, и солдаты, перекрестннѣвшись, начали спускаться къ рѣчкѣ.

Въ это время стало уже немного проясняться; но сумраки лежали еще въ глубннѣнѣ оврага. Несмотря на то, переправа оказалась вовсе не такою трудною, какъ полагали съ перваго взгляда. Перейдя Мичикъ, войска остановннѣлись опять въ нерѣшннѣности, не зная куда повернуть, направо или налево, чтобы попасть на старо-аннѣ-юртовскую дорогу. Проводннѣниковъ съ нами не было, а карта помогала въ этомъ случаѣ такъ же мало, какъ и простыя соображеннѣя, по той причнѣнѣ, что трудно было опредѣлнѣть, въ дннѣной и поразнѣтельно однообразной мѣстности, пунктъ, гдѣ совершена переправа. Къ счастью, въ эту критическую минуту явился Али-бей.

— Я сторожнлъ тебя—сказалъ онъ Яковъ Петровнчу—цѣлую ночь, зная, что ты не пойдешь на просьбу. Если тебѣ придется разорвать чеченскнѣе аулы, пожалуйста, не тронь Гурдала, гдѣ живутъ мои родные.

Яковъ Петровнчъ охотно обѣщавъ исполннѣть его желаннѣе и спроснлъ Али-бея: далеко-ли до Аннѣ-юрта? Али показавъ рукою татарское кладбнѣще, виднѣвшееся неподалеку, и, сказавъ: «вонъ старннѣй Аннѣюртъ!», въ одно мгновеннѣе, какъ кошка, исчезъ въ кустарннѣкѣ.

Влѣво отъ насъ, въ разстояннѣи нѣсколькнѣхъ десятнѣковъ саженей, дѣйствнѣтельно виднѣлосъ кладбнѣще, нестрѣбнѣвшее разноцвѣтннѣными флагами, обозначавшннѣми могилами убитыхъ джнгнѣтовъ. Эти флаги, рѣдко выдѣляясь на черномъ фонѣ чинароваго мѣса, сообщали кладбнѣннчу чрезвычайно оригинальный и почти веселый видъ. Подойдя къ этому мѣсту, отрядъ очутился въ углу при слнѣннѣннѣи двухъ рѣкъ, Ган-

волин и Мички, отъѣсниа берега которыхъ совершенно обезпечивали сто отъ нападенія съ фронта. Въ правой рукѣ отъ насъ чернѣлъ маіортупскій боръ; за нимъ пестрѣли разнообразныя аулы, озаренныя перыши лучами восходившаго солнца, а еще далѣе вставали Черныя горы, сплошь покрытыя вѣковыми дремучими лѣсами. На этомъ мѣстѣ Баклановъ остановился и рѣшился ожидать князя Барятинскаго.

Между тѣмъ, горцы, простороживъ его напрасно всю ночь на просянѣ, съ разсвѣтомъ отправили сильныя разѣзды, изъ которыхъ одинъ, случайно завернувъ къ Ані-юрту, съ ужасомъ увидѣлъ русскій отрядъ, стоявшій въ оврагѣ, по ту сторону Ганзолки, и поспѣшилъ разместить тревогу. Вскорѣ съ той стороны, гдѣ находился редутъ, показались толпы конныхъ и пѣшихъ чеченцевъ, но онѣ остановились отъ насъ въ разстояніи двухъ и даже болѣе пушечныхъ выстрѣловъ, какъ бы ограничиваясь однимъ наблюденіемъ. Можно себѣ представить досаду и гнѣвъ Шамиля, когда онъ убѣдился лично, что выбить Бакланова изъ этой позиціи нѣтъ никакой возможности, и, стало быть, не было возможности занять маіортупскій орѣшникъ, чтобы разстроитъ планы князя Барятинскаго и заставить его возвратиться, не исполнивъ обѣщанія пройти черезъ Чечню въ Куринское укрѣпленіе. Такъ прошло цѣлое утро; приближался полдень, а со стороны Маіортупа все еще никто не показывался. Уже неразъ отважныя допцы, послышавшыя Баклановымъ, какъ згѣи преползали вверхъ по Ганзолкѣ и возвращались съ извѣстіемъ, что не слышать нигдѣ никакого движенія. Цѣлая сотня, ходившая въ разѣздѣ еще далѣе, до самаго Бачи-юрта, гдѣ была переправа, возвратилась также не привезя ничего утѣшительнаго. Тогда явилось предположеніе, что князь Барятинскій, быть можетъ, отказавшись отъ своего намѣренія, вернулся, и что лазутчики, посланные къ намъ съ этимъ извѣстіемъ, перехвачены горцами. Если бы это случилось—гибель баклановскаго отряда была бы неизбѣжною. Горцы, узнавъ объ отступленіи князя Барятинскаго, имѣли бы возможность двинуться вверхъ по Ганзолкѣ и, переправившись у Бачи-юрта, принять насъ къ самому Мички такъ, чтобы заставить отступать, подъ натискомъ громаднаго скопища, по тѣмъ самымъ лѣсамъ и оврагамъ, по которымъ мы пришли сюда, причемъ спасти артилерію не представлялось никакой возможности. Зная это, Баклановъ принялъ въ душѣ твердое рѣшеніе держаться до ночи на этой позиціи, а потомъ, бросившись на Бачи-юртъ, захватить переправу и, съ Божьею помощію, пробиваться уже прямо въ Куринское.

Время тянулось въ мучительномъ ожиданіи, шагъ за шагомъ, въ искодъ перваго часа, слышались два или три ружейные выстрѣла и, вслѣдъ за тѣмъ, сигнальный рожокъ: это шелъ князь Варягинскій. Онъ медлилъ нарочно, чтобы дать Бакланову время стать на Ганзюль и закрыть маіортуискій орѣшникъ, славившійся въ Чечнѣ непроходимой гуцею.

Солнце клонилось уже къ закату; когда соединившіеся отряды (*) начали переходить Ганзюль, обледенѣлыя берега которой представляли немовѣрныя трудности для спуска колеснаго обоза и кавалеріи. Первымъ перешелъ казачій полкъ Бакланова и, вѣсть съ двумя линейными сотнями, тотчасъ двинулся впередъ, чтобы, до наступленія сумерокъ, овладѣть завалами и возстановить переправу, уничтоженную горцами на Мичнѣ. Для поддержанія этой атаки, по слѣдамъ кавалеріи послали первый баталіонъ Кабардинскаго полка, съ четырьмя орудіями и съ двѣнадцатью ракетными станками. Въ то же время, особая колонна, подъ начальствомъ полковника князя Чавчавадзе, приняла правѣе, вошла въ лѣсъ и стала обходить редуть, стараясь привлечь на себя главныя силы Шамилля. Баклановъ велъ кавалерію рысью; вѣтвь отъ него тянулись небольшія, сдѣланныя лѣсъ фашишника, батареи, покинутыя горцами; справа, на самой опушкѣ лѣса, возвышался редуть, а отъ него въ обѣ стороны, неправильными и ломаными линиями, тянулись завалы, охватывавшіе широкій полукружіемъ цѣлую поляну. Болѣе тысячи чеченцевъ, поклонившихся Шамиллю не пропустятъ русскихъ, лежали въ этихъ завалахъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за нашею кавалеріею. Подходя къ окопамъ, Баклановъ развернулъ свой полкъ и, приказавъ линейцамъ держаться на флангахъ, началъ атаку. Кдва онъ пронесъ обычное: «съ Богомъ—впередъ!» и, выхвативъ шапку, пустилъ во весь опоръ своего скакуна, какъ вдоль непріятельскаго завала разомъ прокатился грохотъ ружейнаго залпа, и въ ту же минуту лошадь Бакланова, сдѣлавъ скачекъ, споткнулась и грянулась о-земь.

Казакъ сочли его убитымъ. «Ребята! командиръ убитъ! ищете!» пронеслось по фронту, и разъяренные довы кинулись къ заваламъ. Горцы дали вторичный залпъ. Войсковой старшина Башинковъ, скакавшій во главѣ полка, упалъ, смертельно раненый. Это не остановило другихъ, увлеченныхъ бурною атакою. Чеченцы еще не зарядили ружей, а казакъ, прыгнувъ съ коней, полѣтали уже на завалы.

(*) По соединеніи отрядовъ, подъ общимъ начальствомъ князя Варягинскаго составилось 12 баталіоновъ пѣхоты, четыре эскадрона драгуновъ, 12 съ погоновъ сотенъ казакъ, вѣсть съ иланціею, и 24 орудія.

скоей стороною Поляновъ, сѣдѣвшій Башинкова, верхомъ на конѣ въ широкой ровъ и очутился на брустверѣ; за нимъ, въ разныхъ направленіяхъ, стали выбираться казаки.

Въ первую минуту, озадаченный непріятель отшатнулся назадъ, скоро оправился и съ гикомъ бросился въ ящики. Въ завалахъ шла ожесточенная свалка... Чеченцы колебались, но къ нимъ ходили свѣжія силы и бой началъ клониться на сторону сильнѣшаго: мюриды одолевали!...

Въ это самое время, полковникъ Баллашовъ, одолевъ отъ него удара, поднялся на ноги, и первое, что бросилось ему въ глаза, это была артилерія, выѣзжавшая изъ лѣсу. За ней, на небольшомъ разстояніи, сверкали штыки подхвостнаго батальона. Привавъ пѣхотѣ слѣдовать правѣе, въ лѣсъ, и взявъ четыре орудія 12-ю ракетными станками, онъ въ карьеръ понесся съ нами къ своему полку и, выедавая изъ-за праваго фланга, разомъ пустилъ ихъ вдоль непріятельскаго завала. Чеченцы совершенно смѣшались. Въ эту минуту казаки услышали знакомый голосъ: «впередъ!» и, прыгая послѣднія силы, кинулись въ дротники. Черезъ пѣсковые кучи князь Барятинскій, слѣдившій за битвою, увидѣлъ черныи глановскій значекъ, развѣвавшійся уже надъ непріятельскими окопами.

Переправа черезъ Мичикъ была открыта.

Когда послѣднія повозки изъ отряда князя Барятинскаго переправились и стали подниматься на Качадыковскій хребетъ, Баллашовъ получилъ приказаніе принять начальство надъ арьергардомъ, тавленными на лѣвомъ берегу Мичика, и удерживать позицію какъ можно долѣе, чтобы дать возможность всему обозу отойти въ Куринское.

Задача была нелегкая. Правда, къ казачьему полку, стоявшему въ завалахъ, прибавили еще шесть батальоновъ пѣхоты и 24 орудія (*), но силы эти, по слабой численности казаческихъ ротъ, не были ничтожны въ сравненіи съ тѣми массами, которыми спешагаль непріятель, имѣвшій на своей сторонѣ всѣ выгоды местности. Позиція, занятая Баллашовымъ, огибалась лѣвымъ флан-

(*) Число орудій показывается однако различно: въ официальномъ донесеніи сказано, что въ арьергардѣ было оставлено 24 орудія, но начальникъ арьергарда говоритъ, что, сколько помнитъ, у него находилось только восемь, 4 башарайскихъ и 4 легкихъ. Что же касается до остальнаго состава арьергарда, то въ то время вошли: весь донской казачій № 17 полкъ, по одному батальону отъ полковъ Эриванскаго карабинернаго и Тенгинскаго пѣхотнаго и по два батальона изъ полковъ Куринскаго и Кабардинскаго.

голь своихъ на завали, отнятыя у горцевъ, но имѣла то неудобство, что передъ фронтомъ ея, ближе чѣмъ на хорошій пушечный выстрѣлъ, разстилался дремучій лѣсъ, наполненный чеченцами, а въ тылу находились обрывистые берега Мичика. Горы сторожили изъ лѣсу каждое движеніе отряда и, при первомъ шагѣ назадъ, готовились обрушиться на него всею массою. Вдобавокъ, удалявшаяся пѣхота князя Барятинскаго зажгла береговья батареи, и пожаръ, освѣтившій темную ночь, обнаружилъ непріятелю всѣ наши силы. Отступать въ такомъ положеніи нелегко вездѣ, а на Кавказѣ это подвижъ, потому что, при отступленіи, нѣтъ болѣе опаснаго врага, какъ горцы.

Понимая опасность своего положенія, Баклановъ собралъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ и предупредилъ ихъ, что никакого сигнала для отступления не будетъ, но что, по его командѣ «всѣ на лѣво кругомъ!» — люди, прекративъ огонь и не ожидая болѣе никакихъ приказаній, должны бѣжать на переправу, «кто шибче», не заботясь ни о порядкѣ, ни о томъ, будутъ или не будутъ преслѣдовать ихъ горцы.

«Я понималъ ту страшную отвѣтственность, которую принималъ на себя» — рассказываетъ Яковъ Петровичъ — «но рисковалъ, потому что другаго выхода изъ моего положенія не было. Если бы я только вздумалъ отступать такъ, какъ отступали обыкновенно у насъ на Кавказѣ, то чеченцы задавили бы меня своею массою и мнѣ не удалось бы перевести черезъ Мичикъ болѣе половины отряда. При моемъ же способѣ, я могъ не потерять и ни одного человѣка... Рисковать, стало-быть, было надо, и надо тѣмъ болѣе, что подъ моимъ начальствомъ собраны были лучшіе баталіоны Кавказа, съ которыми можно было предпринимать и дѣлать все, что угодно»....

Итакъ, приказанія розданы были всѣмъ частнымъ начальникамъ. Затѣмъ, когда горѣвшія батареи, при помощи особыхъ командъ, были потушены, казачій полкъ, съ четырьмя орудіями, первый перешелъ Мичикъ и занялъ позицію на высокомъ холмѣ, который командовалъ противоположнымъ берегомъ. Вся остальная артилерія, остававшаяся по эту сторону, расположилась надъ опускомъ къ Мичику, а пѣхота, выдвинутая нѣсколько впередъ, залегла въ кустарникъ, подъ небольшою покатостью, которая внослѣдствіи доставила ей отличное закрытіе отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Скоро началась перестрѣлка. Непріятель, слышавъ шумъ на переправѣ, открылъ ружейный огонь и вызвалъ съ нашей стороны сильную канонаду, которая, не перерываясь, гремѣла въ продолженіе двухъ съ половиною часовъ. Вдругъ,

города чеченцевъ, изъ лѣсу послышались какіе-то страшныя, дивныя звуки: это киринды заѣли свою предсмертную пѣсню— то, что они готовились броситься въ пищаи. Медлить болѣе нельзя ни минуты. По командѣ Баканова, вся артилерія, повернувъ во кругомъ, въ карьеръ переселась черезъ Мичикъ и, снизившись ртвиноположномъ берегу съ передковъ, зарядила орудія картечью. Одинъ офицеръ доложилъ объ этомъ Баканову, онъ крикнулъ: «направо кругомъ!» и, по этому условному сигналу, все прекратило, все повернуло назадъ и, разомъ, со всѣхъ концовъ, хлынула переправа....

Въ первую минуту тишина, мгновенно наступившая за грохотомъ пушечной перестрѣлки, совершенно оцѣлонила чеченцевъ; но скоро, давъ въ чемъ дѣло, они съ презрительнымъ гнѣвомъ кинулись догонѣвающимъ. Это была минута, отъ которой зависѣла участь цѣлаго отряда. Чеченцы уже достигали берега, гдѣ столпилась масса нашихъ солдатъ, въ безпорядкѣ перебѣгавшихъ Мичикъ, какъ вдругъ орудія, выстрѣлившими горцами, дали убійственный залпъ, и картечь, какъ валъ, обрушилась на непріятеля. Гнѣвъ мгновенно прекратился.... Когда же поднялся дымъ, мы увидѣли, что тамъ, гдѣ былъ непріятель, лежали груды убитыхъ, а все, что оставалось живаго, въ паничествѣ страхѣ бѣжало назадъ; но душки грохотали за ними вслѣдъ, и картечь, сыпавшая градомъ, достигала бѣгущихъ....

По знаку, данному Бакановымъ, артилерія смолкла, и отъ оставивъ на переправѣ казачій полкъ, съ пѣсками и барабанами боемъ двинулся въ Куринское. Баталіоны, столпившіеся въ Куринскомъ, разбирались и строились уже на походъ. Въ Куринскомъ, никто не ложился спать: тамъ слышались страшную канонаду, не зная въ чемъ дѣло, безпокоились за участь отряда. Бакановъ, опередивъ войска, явился къ князю Барятинскому, и началъ его ходившимъ въ сильномъ водненіи. взадъ и впередъ говорить.

— Дѣдъ (!) гдѣ отрядъ? были первыя слова князя.

— Идетъ въ Куринское, отвѣчалъ Бакановъ.

Князь Барятинскій перекрестился.

— А потеря большая? спросилъ онъ, помолчавъ нѣсколько минутъ.

— Ни одного человѣка! отвѣчалъ Бакановъ.

Князь Барятинскій подошелъ и обнялъ Яковъ Петровича.

Обыкновенное выраженіе князя Барятинскаго въ разговорѣ съ Яковомъ Петровичемъ.

Если такъ дешево обошлось для насъ отступленіе, то нельзя сказать того же самаго про взятіе заваловъ, гдѣ одинъ донской № 17 полкъ, по словамъ командира его, потерялъ до 80 человекъ выбывшими изъ строя. Особенно была чувствительна въ полку потеря храбраго Банникова, смерть котораго произвела на всѣхъ грустное впечатлѣніе. Надо сказать, что, за вѣсколько дней передъ эмигрантъ, Банниковъ получилъ предписаніе отправиться на правый флангъ и принять въ свое завѣдываніе одинъ изъ казачьихъ полковъ, оставшихся безъ командира. Дружескіе проводы задержали его на Варасинскомъ посту, а между тѣмъ подошла экспедиція, и Банниковъ, по приглашенію Якова Петровича, рѣшился принять въ ней участіе, рассчитывая получить за это чинъ подполковника и остаться командиромъ того полка, который бѣжалъ принимать временно. Надежды его не исполнились. Впереді другихъ понесся онъ на завалы; но, не доскакавъ до нихъ, палъ, какъ мы сказали, пораженный смертельною пушею.

Остается сказать, что, выѣзжая изъ Куринскаго, Барятинской, по просьбѣ полковника Бакланова, оставилъ въ его распоряженіе одиннадцать ротъ пѣхоты, при семи орудіяхъ, и два казачьи полка, съ которыми приступлено было немедленно къ устройству новой просѣки отъ Умаханъ-юрта до рѣчки Гудермеса. Просѣка эта не имѣла особаго стратегическаго значенія для края, но была необходима намъ для нашихъ частныхъ зимнихъ набѣговъ въ землю непокорныхъ чеченцевъ. Работы на просѣкѣ продолжались нѣскольке дней, при слабыхъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ, и окончились 4-го марта, послѣ чего чеченскій отрядъ былъ окончательно распущенъ.

Получивъ извѣстіе о цѣломъ рядѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ княземъ Барятинскимъ надъ огромнымъ скопищемъ мятежниковъ, лично предводимымъ Шамилемъ, главнокомандующій отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ вошелъ съ представленіемъ о награжденіи князя Барятинскаго орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-го класса; но Государь Императоръ соизволилъ замѣнить эту награду производствомъ князя Барятинскаго въ чинъ генералъ-лейтенанта.

Что же касается полковника Бакланова, то вотъ въ какихъ выразеніяхъ выставлялъ заслуги его князь Воронцовъ въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 31 марта 1852 года:

«Изъ представляемаго журнала зимнихъ военныхъ дѣйствій», писалъ князь Воронцовъ, «Ваше Сіятельство изволило усмотрѣть, въ какой мѣрѣ и съ какою пользою способствовалъ движенію чеченскаго отряда командующій подвижнымъ резервомъ въ Куринскомъ»

полковникъ, командиръ донскаго казачьяго № 17-го полка, полковникъ Бакалановъ. Этотъ храбрый и опытный штабъ-офицеръ, перешелъ пятью ротами пѣхоты, съ двумя орудіями и ввѣреннымъ казачьимъ полкомъ черезъ Качкалыковскій хребетъ, занялъ съ горстью аулъ Гурдали и, совершенно неожиданно для горцевъ, я къ князю Барятинскому въ тотъ самый моментъ, когда онъ всега шёлъ необходимости въ содѣйствіи его отряда, прийдя очашь большаго и густаго лѣса. Потомъ, совершивъ трудную переправу черезъ ганзаулейскій оврагъ, онъ, послѣ упорнаго боя, шло, назначенное для переправы нашихъ войскъ черезъ рѣку, и не только удержалъ позицію до окончанія переправы, но и при томъ совершеное пораженіе скопищамъ Шамиля. По имени всего, полковнику Бакаланову поручено было командовать ардомъ, и тутъ онъ вновь показалъ всю свою хладнокровную и решительность въ горячемъ бою, продолжавшемся до поздней ночи. Приписывая блистательное окончаніе своей экспедиціи содѣйствіемъ полковника Бакаланова, князь Барятинскій проситъ моего ходатайства о награжденіи его орденомъ св. Георгія 4-го класса по пункту орденакаго статута (*).

Ирпенская, съ своей стороны, полковника Бакаланова исполнѣ до-стигнуть испрашиваемой награды, тѣмъ болѣе, что онъ давно извѣ-стенъ за свою отвагу и предприимчивость, соединенныя съ бла-гоуміемъ и распорядительностью, я обращаюсь къ Вашему Сіа-нству съ просьбою представителъствовать передъ Его Величествомъ милостивѣйшемъ соизволеніи на передачу сего представленія въ кавалерскую думу для обсужденія подвиговъ полковника Бакаланова».

Ирпенская, окончивъ свои засѣданія, представила всеподданнѣйшій докладъ, и 30 декабря 1852 года Бакаланову пожалованъ былъ орденъ св. Георгія 4-й степени: «за военные подвиги», какъ сказано въ орденомъ, «оказанные имъ въ февралѣ 1852 года въ чеченскомъ отрядѣ при движеніи его отъ Аргуна черезъ Качкалыковскій хребетъ въ лѣсное» (**).

3-й пунктъ статута ордена св. Георгія: «Кто съ бою возьметъ неприимую вооруженную батарею, или послѣ упорнаго боя овладѣетъ такимъ важнымъ пунктомъ въ неприятельской позиціи, что, съ занятіемъ его, врагъ не имѣетъ возможности оборотъ въ нашу пользу, и удержитъ сіе мѣсто до тѣхъ поръ пока не получитъ повелѣнія его оставить».

Въ ту же экспедицію орденомъ св. Георгія 4-й степени награжденъ былъ и полковникъ Бурунскій егерскаго полка, адъютантъ полковникъ князь

Успѣхи, которыми ознаменовался земный поход князя Барятинскаго на лѣвомъ флангѣ, сильно исколебали въ странѣ вліяніе Шамиля. Многіе немирные аулы, чувствуя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, громко заявляли желаніе переселиться въ наши предѣлы и ждали для этого только благоприятнаго случая. Назвазское начальство, съ своей стороны, спѣшило воспользоваться такимъ настроеніемъ горцевъ и обратилось къ нимъ съ прокламаціями, въ которыхъ, именемъ монарха, обещало переселенцамъ не нарушить имъ поземельныхъ правъ, религіи, обычаевъ, а въ будущемъ давало даже надежду, что имъ отведены будутъ опять тѣ самыя мѣста, которые они покидали. Первыми отозвались на прокламаціи ближайшіе аулы мичиковцевъ, за которыми скоро послѣдовали и другіе. Вслѣдствіе этого, въ непродолжительное время, образовались поселенія, въ числѣ пяти тысячъ дворовъ, разбросанныя при разныхъ аулахъ и укрѣпленіяхъ. Бѣдные переселенцы, тѣсясь въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ на одномъ и томъ же прострѣствѣ земли, испытывали неурожай и всевозможныя бѣдствія, но утѣшались мыслию, что, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ края, имъ будетъ позволено переселиться опять на старыя мѣста въ Большую и Малую Чечни. Поэтому-то, впоследствии, когда генералъ-адъютантъ Муравьевъ, не раздѣлявшій, по видимому, взгляда своего предѣстника, сдѣлалъ распоряженіе о поселеніи по Аргуну казачьихъ станицъ и о переводѣ покорныхъ намъ горцевъ на жительство въ отдаленныя мѣста Кабарды и думынской плоскости, они обнаружили такое волненіе, которое грозило увичтожить плоды всѣхъ пражныхъ усновоительныхъ распоряженій. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ извѣстному адресу со стороны чеченцевъ, который дошелъ до Петербурга и, въ свое время, надѣлалъ большаго шума (*).

Вотъ что рассказывали намъ, между прочимъ, о первомъ большомъ переселеніи чеченцевъ.

Когда отрядъ, рублившій просьбу на Гудермесѣ, былъ распущенъ и партіи чеченцевъ разошлись по домамъ, жители Маалыгашей и Гурдали—двухъ самыхъ вліятельныхъ мичиковскихъ ауловъ—оттира-Воронцовъ, за особия отличія, оказанныя имъ 7-го января при взятіи штурмомъ ауловъ Автуры и Гельдегена.

(*) „Государь Императоръ“—писалъ по этому поводу военный министръ къ главнокомандующему отдаленнымъ казанскимъ корпусомъ—«Высочайше повелѣть соизволилъ, въ успокоеніе жителей Чечни, немедленно откликнуть вышеозначенное ваше предположеніе и гласнымъ образомъ сдѣлать извѣстнымъ, что Государь никогда не былъ намѣренъ извинять предоставленныя симъ жителямъ, именемъ еще покойнаго Императора Николая I-го, права и вранущества, и что подобнаго предположенія правительство никогда въ виду не имѣло».

авскихъ депутатовъ въ Грозную, къ князю Барятинскому, съ
просить принять ихъ подъ свое покровительство. Князь Барятин-
скимъ немедленно предписалъ полковнику Баклакову собрать отрядъ и,
изъ Мичику, вывести озабоченныхъ жителей въ наши предѣлы.
Баклановъ стянулъ войска съ ближайшихъ пунктовъ кумыкской
области (*), и на разсвѣтъ 23-го марта, спустившись къ Мичику,
началъ лавутчина связать маральцаминцавъ, что онъ ожидаетъ ихъ
справа съ тѣмъ, чтобы они прислали сами возможность и
за оставитъ аулъ. Переходить Мичикъ Баклановъ не рѣшился,
что это повело бы за собою ожесточенную битву съ чеченцами.
Въ этомъ и не было надобности, потому что жители, пред-
упрежденные о появленіи нашихъ войскъ на Мичикъ, сами согна-
ли ихъ, забравъ имущество, явились къ намъ въ числѣ 285 душъ
дола.

Сдѣлавъ впередъ переселенцевъ, войска начали отступать, ста-
ли проходить лавзаликовскій лѣсъ прежде, нежели тревога под-
нялась на ноги окрестныя аулы. Сперва чеченцы, собравшись въ
числѣ, подъ предводительствомъ известнаго наѣба Гехи,
начали преслѣдовать насъ слабо, и дѣло шло въ одномъ
ардѣ; но, по мѣрѣ того, какъ лѣсъ становился гуще и къ
намъ подходили свѣжія силы, перестрѣлка распространилась и
пошла наши боковыя цѣпи. Черезъ полчаса, весь лѣсъ гудѣлъ
отъ безконечнаго гиканья, криковъ и выстрѣловъ. Бой въ осо-
бенности разгорался тамъ, гдѣ лѣсъ заросъ молодымъ орѣшник-
омъ, представляя для насъ неодолимыя препятствія. Картечь, об-
щая горцевъ, осаждала ихъ не на долго, и войскамъ прихо-
дило отбиваться щтыками и прикладами. Нѣкоторое время, однако,
идти благополучно, какъ вдругъ, на одномъ изгибѣ дороги,
цѣпь, попавшая въ густой орѣшникъ, оторвалась отъ арьер-
гарда и нарушила общій порядокъ. Въ ту же минуту, чеченцы съ
сильнымъ проворствомъ кинулись въ этотъ промежутокъ и, во-
левымъ въ середину колонны, отхватили зарядный ящикъ, обрубивъ
задней построении. Къ счастью, въ это самое время Баклановъ
спустился сюда изъ арьергарда. Не слѣзая съ коня, въ головѣ ка-
саевой роты, бросился онъ на непріятеля справа, приказавъ ка-
сау дивизиону ударить въ дротики слѣва. Въ одну минуту во-
левымъ чеченцы были охвачены съ двухъ сторонъ и за свой ко-
слѣхъ заплатили огромною потерей. Зарядный ящикъ былъ

Отрядъ состоялъ изъ Донскаго казачьяго № 17 полка и 13 ротъ пѣхоты,
и артиллерійскихъ орудій.

ЛХХVII. Отд. I.

отнять назадъ и съ торжествомъ вынести на рукахъ храбрыми набардинцами. Послѣ этого непріятель не осмѣливался уже нападать такъ явно и только провожалъ войска ружейнымъ огнемъ, пока арьергардъ не выбрался, наконецъ, на поляну къ Куринскому.

Бой, длившійся четыре часа, стоилъ нашему отряду трехъ офицеровъ и девяноста трехъ нижнихъ чиновъ выбывшими изъ строя.

Возвратившись въ Куринское, полковникъ Баглановъ распуталъ отрядъ и прежде всего озаботился устройствомъ такого поселенія, которое могло-бы обезпечить, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, главнѣйшія матеріальныя нужды переселенцевъ. Мѣсто для поселка выбрано было, согласно указаніямъ князя Барятинскаго, на сѣверному склону Качкалыковскаго хребта, верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости, гдѣ находились горячіе источники. Поэтому и самый аулъ названъ былъ Исти-су, что, въ переводѣ, означаетъ «горячая вода». Почва кругомъ аула была плодородная, способная для скотоводства; но множество овраговъ и балокъ, берущихъ начало въ лѣсу, покрывающемъ весь горный хребетъ, благопріятствовало скрытнымъ приближеніямъ партій и дѣлало положеніе аула небезопаснымъ. Поэтому, при самомъ построеніи аула, въ видахъ обороны его отъ нападенія непокойныхъ сосѣдей, нашли необходимымъ построить со стороны качкалыковскихъ горъ значительный редутъ (*), а нѣсколько далѣе—сигнальную башню, вооруженную чугуннымъ орудіемъ (**). Это орудіе своими условными выстрѣлами извѣщало Куринское каждый разъ, какъ только появлялись чеченцы.

Надо было ожидать, что лѣто будетъ тревожное и что чеченцы не оставятъ въ покоѣ новаго поселка, который такъ неожиданно закрылъ ихъ партіямъ свободный доступъ въ наши предѣлы. Дѣйствительно, 4-го іюля, утромъ, частые пушечные выстрѣлы, раздавшіеся со стороны качкалыковскихъ горъ, дали знать о нападеніи чеченцевъ.

«Чтобы поспѣть къ Исти-су своевременно», рассказываетъ Яковъ Петровичъ, «надо было идти съ одною кавалеріею. Пѣхота никогда не успѣвала бы предупредить проворную партію, и казакамъ приходилось день и ночь держать лошадей подъ сѣдлами. Я самъ не раздѣвался по суткамъ и требовалъ того же отъ всѣхъ моихъ

(*) Редутъ этотъ занимался постоянно ротою пѣхоты, при одномъ орудіи, изъ числа войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Куринскаго.

(**) По недостатку средствъ и времени, башня эта, предполагавшаяся въ проектѣ каменною, выстроена была изъ простаго саманнаго кирпича, который оказался, въ строительномъ отношеніи, весьма удобнымъ, прочнымъ и дешевымъ матеріаломъ.

живдествъ. Поэтому, при первомъ выстрѣлѣ, раздавшемся на баш-дежурный дивизионъ былъ уже на конѣ и въ подѣ. Мы поска-нацускомъ, кто шибче, думая только о томъ, какъ бы подо-на выстрѣлы... Можно было бояться попасть на засаду, но, частію, по обѣимъ сторонамъ дороги росла такая высокая и гу-колючка, которая, какъ сплошная стѣна, предохраняла насъ на надевія. Въ тому же, непосредственно за мною, слѣдовали а или другой дивизионъ казачьяго полка, или баталіонъ пѣхо-которые охраняли насъ съ тылу. При этомъ условіи бояться бы-ечера, и казаки, дѣйствительно, налетали, какъ снѣгъ на голову. ро: рава 'отважныя партіи бросались къ Исти-су, чтобы отнять тедей скотъ, и четыре раза жители, вмѣстѣ съ казаками, про-и чеченцевъ» (*).

На пятый разъ, 16-го іюля, тревога произошла въ окрестностяхъ аль-аула и подняла на ноги большую часть резервовъ кумык-плоскости. Въ этотъ день, оказія, слѣдовавшая изъ Хасафъ-ночевала въ Герзель-аулъ и поутру выступила оттуда въ нское. Выступила она, какъ надо полагать, безъ должной осто-ности. День былъ знойный. Казаки, распустивъ поводья, ѣхали ми вокругъ зроби и по краймъ дороги, не помышляя о гор-какъ вдругъ изъ одной лѣвистой балки выскочила партія и, въ залпъ, кинулась въ шашки. Рота встрѣтила нападающихъ ннымъ огнемъ и, въ свою очередь, попала подъ огонь приве-го горцами орудія. Началась канонада, а между тѣмъ пока-сь конные резервы, скакавшіе во весь опоръ со стороны Гер-аула и Куринскаго прямо наперерѣзъ чеченцамъ. Горцы во-вре-амѣтили опасность и скрылись такъ быстро, что казаки успѣли гнуть только хвостъ уходившей партіи (**).

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ нападеній, предпринятыхъ гор-не увѣнчался успѣхомъ, а на этихъ нападеніяхъ они зывали большія надежды. Нѣкоторые лазутчики, являвшіеся къ анову, рассказывали ему, что многія враждебныя намъ племена ны были послѣдовать примѣру мичиковскаго общества, но подо-ельные намбы Чечни, предвидя это намѣреніе, взяли у нихъ ама-въ и, не довольствуясь тѣмъ, ѣздили къ Шамилю съ просьбой ытъ въ Чечню, чтобы, своимъ присутствіемъ, удержать колеблю-я народъ въ повиновеніи. Шамиль, дѣйствительно, пріѣзжалъ

) Эти тревоги происходили 4, 10 и 24-го іюня и 12-го іюля.

*) Съ нашей стороны, при этомъ нападеніи, ранено было нѣсколько человекъ, томъ числѣ священникъ Кабардинскаго полка—Сержановскій.

весною и, убѣдившись въ положеніи дѣлъ, вытребовали изъ Дагестана тавлинцовъ, которые, по его приказанію, перерѣзали наши просѣки глубокими канавами, будто бы для того, чтобы укрыть за ними посѣвы, но, въ сущности, съ цѣлю затруднить переселенія. Съ другой стороны, Шамиль поселилъ на мѣстѣ бывшаго аула Гурдали самыхъ враждебныхъ намъ своихъ приверженцевъ, которые воскресили воинственный духъ между чичковцами. Всѣ набѣги, дѣлаемые въ послѣднее время къ низовьямъ Сулжи, на Исти-су и на кумыкскую плескость, были дѣломъ этого населенія.

Опасаясь лишиться всѣхъ плодовъ, которые, въ нравственномъ отношеніи, доставила намъ зимняя экспедиція, князь Барятинскій рѣшился однимъ ударомъ уничтожить замыслы Шамиля и выбрать для того время, когда хлѣба и сѣно чеченцевъ находились еще небранными, рассчитывая, съ одной стороны, уничтожить запасы, съ другой — разорить до основанія самый аулъ Гурдали.

Понятно, что для подобнаго рода дѣйствій на кавказской линіи самое удобное время представляла зима, когда лѣса обнажались отъ листвы и сборъ неприятельскихъ партій дѣлался затруднительнымъ; но дожидаться этого времени значило давать неприятелю средства усилиться, а потому князь Барятинскій, не принимая въ соображеніе тѣ лѣсные походы, которые получили на Кавказѣ такую всеобщую кровавую извѣстность, рѣшился, во чтобы то ни стало, привести въ исполненіе свой планъ. Съ этою цѣлю онъ тотчасъ сосредоточилъ войска въ три отдѣльные самостоятельные отряда: первый изъ нихъ, подъ личнымъ его предводительствомъ, выступалъ изъ Грозной въ долину Джалги; другой, подъ начальствомъ флигель-адъютанта князя Воронцова, изъ укрѣпленія Воздвиженскаго къ Аргуни, и третій, съ полковникомъ Баглановымъ, изъ укрѣпленія Куринскаго къ Гурдали-юрту.

Такъ какъ сохранить въ тайнѣ всѣ приготовленія къ экспедиціи было невозможно, то надо было, по крайней мѣрѣ, стараться скрыть самую минуту выступленія. Поэтому войска сосредоточились въ Куринскимъ только вечеромъ 10-го августа *), а въ полночь, быстро пройдя качкалыковскій лѣсъ, окружили Гурдали. Аулъ захваченъ былъ въ совершенномъ располхѣ, и войска, ворвавшіяся въ него, имѣли жаркое дѣло. Только 52 человѣка, не считая дѣтей и женщинъ,

(*) Баглановъ собралъ три баталіона пѣхоты, при семи орудіяхъ, и образовалъ два сводные казачьи полка, въ составъ которыхъ вошли девять сотенъ отъ донскихъ полковъ №№ 17 и 18 и дивизионъ Кизлярскаго полка кавказскаго линейнаго казачьяго войска, прибывшій съ линіи, подъ командою подполковника Суходольскаго.

лись военно-пальными; остальные предпочли геройскую смерть
аи среди разрушенныхъ и обгорѣлыхъ саклей.

Въ это время, сильная партія чеченцевъ, подъ предводитель-
омъ известнаго намба Гехи, стояла въ Бачи-юртѣ, еще не зная
а направятся наши удары.

Теперь же, при первыхъ выстрѣлахъ, раздавшихся въ Гурдали,
масса ихъ хлынула въ качкалыковскій лѣсъ и отрѣзала намъ
ь отступленія. Уже разсвѣло совершенно, когда войска, dokon-
ь истребленіе аула, начали отступать въ Куринское. Они отхо-
и буквально окруженные наѣздниками, какъ пчелами, у которыхъ,
выраженію одного кавказца, разорили улей. Но это было ничто
сравненіи съ тѣмъ, что ожидало насъ впереди, когда показался
гой, непроходимый боръ, заросшій исполинскими деревьями въ
колько обхватовъ толщиною. Здѣсь каждое дерево, каждый ка-
ь и кустъ грозилъ засадою и смертію. Подходя къ этому
ашному лѣсу, цѣпь остановилась и сблизилась съ резервами. По-
ь въ авангардъ вступила орудія и, нѣсколькими картечными зал-
и, очистили опушку. Чеченцы скрылись; но только что войска
ушли въ лѣсъ, какъ разомъ затрещалъ батальный огонь и пули
омъ посыпались на насъ изъ гущи листовеннаго свода, съ вер-
ть деревьевъ, изъ-за кустовъ орѣшника—отвсюду, гдѣ только
но было укрыться человѣку. Наступила минута, когда отрядъ,
уженный со всѣхъ сторонъ, долженъ былъ идти на проломъ, что-
снасти знамена. Орудія, выѣхавшія въ цѣпь, стрѣляли до всѣмъ
равленіямъ; картечь вадила цѣлыя веревницы чеченцевъ, но на
та однихъ являлись другіе—и безконечное гиканье бросающихся
шашки чеченцевъ не умолкало ни на одну минуту. Были мину-
когда ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ прекращался на чет-
ть часа, и въ эти четверть часа слышались только ожесточенные
и людей: съ нашей стороны работали штычи и приклады, а
стороны чеченцевъ кивжали и шашки. Одно орудіе, находившееся
арьергардѣ, переходило изъ рукъ въ руки нѣсколько разъ, и толь-
послѣ огромной потери въ людяхъ окончательно осталось за
и.

Въ этомъ бою, продолжавшемся болѣе шести часовъ, всѣ ране-
ые были вынесены, но до двадцати убитыхъ остались въ рукахъ
рїателя. На другой день тѣла ихъ были привезены самими гор-
и и вымѣнены на находившихся у насъ въ палѣну дѣтей и жен-
ь. Съ нашей стороны потеря была весьма значительная: убито 2
ь-офицера и 45 нижнихъ чиновъ; раненъ 1 штабъ-офицеръ

(подполковникъ Суходольскій), 10 оберъ-офицеровъ и 254 нижнихъ чина.

«Бой, при отступленіи отъ Гурдалей въ Куринское» — пишетъ князь Барятинскій въ своемъ донесеніи — «былъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ, какіе рѣдко бывали на Кавказѣ. За то погромъ Гурдали-юрта еще разъ показалъ чеченцамъ, что всѣ препятствія, представляемыя природою и самыми мужествомъ, не могутъ остановить нашего солдата.

«Совокупные наши набѣги» — продолжаетъ князь Барятинскій — «можно сказать положительно, сдѣлали то, что въ предстоящую зиму Шамиль не можетъ собрать въ Чечню тавлинскую кавалерію, потому что нечѣмъ будетъ ее продовольствовать. Пѣшіе же тавлинцы, не привыкшіе воевать на плоскости и въ лѣсахъ, и въ прошедшую зиму испытавшіе ужасный погромъ на Шалинской полянѣ, не могутъ быть для насъ слишкомъ опасными. Если же тавлинцы вовсе перестанутъ ходить въ Чечню, то Шамиль наврядъ-ли рѣшится оставаться между колеблющимися чеченцами, которые, какъ мнѣ извѣстно, ожидаютъ благоприятной минуты, чтобы изъявить покорность».

Сообщая объ этомъ военному министру для всеподданнѣйшаго доклада, князь Воронцовъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Успѣхъ, сопровождающій всѣ дѣйствія нашихъ войскъ, былъ совершенный и достигнутъ, въ колоннахъ князя Барятинскаго и сына (князя Воронцова), съ ничтожною потерей, въ сравненіи съ приобретенными результатами; но я боюсь, чтобы Государь не нашелъ, что дѣйствія полковника Баганова стоили намъ черезъ-чуръ дорого, и не поставилъ бы сего въ вину этому отличному штабъ-офицеру. Въ этомъ случаѣ, по важности военныхъ операцій на Мичкиѣ, я долженъ брать отвѣтственность на одного себя, ибо если потеря у Баганова, въ этомъ отличномъ военномъ дѣлѣ, и была значительна, то надобно сознаться, что онъ болѣе всѣхъ принесъ намъ и пользы. Деревня Гурдали, лежащая въ долинѣ Мичика, имѣла въ Чечнѣ громадное значеніе какъ по воинственности своего народонаселенія, такъ и по своей крѣпкой, почти неприступной позиціи, на мѣстности, одной изъ труднѣйшихъ на цѣломъ Кавказѣ. Совершенное уничтоженіе ея, вмѣстѣ съ жителями, смѣлою атакою Баганова будетъ имѣть большое нравственное вліаніе и много будетъ содѣйствовать земной экспедиціи»....

Государь Императоръ милостиво принялъ ходатайство князя Воронцова: высочайшимъ приказомъ 1-го октября 1852 года, полковникъ Багановъ, «за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ», произведе-

въ генераль-майоры, съ оставленіемъ командиромъ Донскаго ка-
вказа № 17-го полка (*).

Такъ окончились двѣ главнѣйшія экспедиціи 1852 года, про-
веденныя подъ руководствомъ князя Барятинскаго и положившія, можно
сказать, начало будущему покоренію чеченцевъ. Въ этомъ главноко-
дующій убѣдился лично, когда, въ исходѣ августа мѣсяца, посѣ-
тивъ лѣвый флангъ, осмотрѣлъ работы, начавшіяся здѣсь съ 1849
года, и по широкой просѣвѣ проѣхалъ отъ укрѣпленія Воздвиженскаго
рѣчку Басстъ, до самаго Герменчука такими мѣстами, которыя
того считались непроходимыми. Все, что видѣлъ здѣсь князь Во-
ццовъ, свидѣтельствовадо ему о немовѣрныхъ трудностяхъ, перене-
сшихъ кавказскими войсками и въ лѣтній зной, и въ зимній холодъ,
и въ сырую, нездоровую осень. Доблестный старецъ, одинъ изъ луч-
шихъ представителей нашей военной славы, былъ тронуть до глу-
бы души: онъ выстроилъ войска на правомъ берегу Шавдонки,
у высокаго кургана, и, снявъ фуражку, имѣемъ цѣря благода-
рить за все, что ими сдѣлано. Полки проходили мимо церемоніаль-
но маршемъ и тутъ же устроена была церемонная раздача геор-
гиевскихъ крестовъ нижнимъ чинамъ и милиціонерамъ, — наиболѣе от-
личившимся въ послѣднихъ экспедиціяхъ. Громкое, единодушное «ура»,
и салютационной пальбы артилеріи и безконечныя ружейныя зал-
паны разносились по враждебнымъ горамъ и возвѣстили чечен-
цамъ, что мы торжествуемъ близкое приобрѣтеніе этого края...

Дѣйствительно, переселеніе чеченцевъ принимаетъ съ этихъ поръ
огромныя размѣры; но такъ какъ они не хотѣли селиться въ ку-
рскихъ владѣніяхъ, гдѣ поземельная собственность находилась
исключительно въ рукахъ привилегированнаго сословія, то на-
лѣвый флангъ нашелъ удобнымъ отвести для ихъ поселенія
земли, принадлежавшія нѣкогда качкальковскимъ чеченцамъ и оста-
вшіяся пустыми послѣ возстанія 1840 года. Эти земли представ-
ляли трехугольное пространство между рѣкою Терекъ и Кач-
кальковскимъ хребтомъ, заключавшее въ себѣ болѣе 30,000 деся-
тинъ. По недостатку же воды на этой мѣстности, разрѣшено было
обновить канаву изъ рѣки Аксай и направить болѣе вверхъ тече-

(*) Такимъ образомъ, Яковъ Петровичъ былъ въ чинѣ полковника ровно
двадцать годъ и шесть мѣсяцевъ. Вместе съ нимъ были произведены: начальник
штаба войскъ кавказской линіи Капсеръ, зазвѣздившій шгабомъ Причипайскаго
полка — Яндреніусъ, командиры полковъ: Нижегородскаго драгунскаго — князь Чав-
чавадзе, Грузинскаго гренадерскаго — князь Орбелиани, Куринскаго егерскаго —
полковникъ Воронцовъ и Апшеронскаго пѣхотнаго — Елшинскій 2-й — всѣ, составившіе
свою славу на Кавказѣ громкою и справедливою извѣстностью.

ніе рѣчки Гудергеса, возложивъ работы на самихъ переселенцевъ, подъ прикрытіемъ нашего войска.

Расходы по работамъ были исчислены въ 6,000 рублей, и князь Воронцовъ, приказавъ приступить къ нимъ немедленно, въ томъ предположеніи, что многіе мичиковцы желали переселиться къ намъ съ наступленіемъ осени, другіе же не позже будущей весны, поручилъ прикрытіе работъ генералу Бакланову. Горцы пытались тревожить наши войска и даже поставили орудіе, изъ котораго стрѣляли по рабочимъ, однако Баклановъ скоро заставилъ партію укрыться въ Качаамновскія горы. Тогда чеченцы внезапно бросились на Исти-су и отогнали скотъ, принадлежавшій жителямъ; но быстрое прибытіе Бакланова съ казаками заставило ихъ бросить добычу и спастись бѣгствомъ, а спустя нѣсколько дней, Баклановъ самъ переправился за Сунжу между Умаханъ-юргомъ и Тетли-Качу, отбилъ небольшое чеченское стадо и возвратился безъ потерь.

Этимъ окончилась военная дѣятельность въ 1852 году со стороны Куринскаго укрѣпленія.

Потто.